

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 5. С. 51–61.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 5, pp. 51–61.

Научная статья
УДК 94(470).084.3(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V537

Кадровый состав 2-го горного советского стрелкового полка (осень 1918 года): опыт микроисторического анализа

Сильченко Иван Сергеевич

Технический университет УГМК, Верхняя Пышма, Свердловская область, Россия,
89022777814@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9906-9619>

Аннотация. Статья посвящена микроисторическому анализу кадрового состава 2-го горного советского стрелкового полка в период его формирования и первых боев осенью 1918 года. На основе неопубликованных документов из фондов Российского государственного военного архива и Государственного архива социально-политической истории Свердловской области автор реконструирует социально-демографические характеристики, мотивацию рядовых военнослужащих и командиров, национальный и партийный состав полка. В исследовании применяются просопографический метод, количественный и качественный анализ документов, что позволяет воссоздать коллективный портрет части и выявить поведенческие стратегии красноармейцев. Особое внимание уделяется системе комплектования полка, соотношению мобилизованных и добровольцев в различных подразделениях. Установлено, что стрелковые роты комплектовались преимущественно за счет мобилизации (до 93,5 %), тогда как специальные подразделения (пулеметная команда, конная разведка) – за счет добровольцев (до 97,5 %). Средний возраст красноармейца находился в диапазоне 25–27 лет. Большинство военнослужащих состояло в браке и происходило из рабоче-крестьянской среды. Национальный состав полка отличался пестротой: значительную роль играли интернационалисты, мотивация которых варьировалась от идеологической до материальной. Анализ партийной принадлежности выявил политическую гетерогенность: большевики составляли меньшинство, командные должности занимали беспартийные, анархисты и эсеры. Автор приходит к выводу о доминировании прагматического подхода над идеологическим в кадровой политике раннего этапа строительства Рабоче-крестьянской Красной армии: на первый план выдвигались профессиональная компетентность и боевой опыт, а не партийная лояльность. Микроисторический анализ полка подтверждает тезис о нелинейности процесса становления Красной армии, сочетании централизованных директив с локальными практиками комплектования.

Ключевые слова: Гражданская война в России, микроистория, становление РККА, Красная армия осенью 1918 года, 2-й горный полк, воины-интернационалисты, комплектование боевого подразделения, социально-демографический портрет красноармейца

Сильченко И.С.

Кадровый состав 2-го горного советского стрелкового полка (осень 1918 года)...

Для цитирования: Сильченко И.С. Кадровый состав 2-го горного советского стрелкового полка (осень 1918 года): опыт микроисторического анализа // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 5. С. 51–61. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V537>

Original article

Personnel Composition of the 2nd Mountain Soviet Rifle Regiment (Autumn 1918): An Experience of Microhistorical Analysis

Ivan S. Sil'chenko

UMMC Technical University, Verkhnyaya Pyshma, Sverdlovsk region, Russia,

89022777814@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9906-9619>

Abstract. The article is devoted to a microhistorical analysis of the personnel composition of the 2nd Mountain Soviet Rifle Regiment during its formation and first battles in the autumn of 1918. Based on unpublished documents from the funds of the Russian State Military Archive and the State Archive of Socio-Political History of the Sverdlovsk Region, the author reconstructs the socio-demographic characteristics, motivation of the Red Army soldiers and commanders, national and party composition of the regiment. The study employs prosopographic method, quantitative and qualitative analysis of documents, which allows to recreate a collective portrait of the unit and to identify behavioural strategies of servicemen. Special attention is paid to the regiment's recruitment system and the ratio of mobilised soldiers to volunteers in various subunits. It has been established that rifle companies were staffed primarily through mobilisation (up to 93.5 %), while specialized subunits (machine gun team, mounted reconnaissance) were staffed by volunteers (up to 97.5 %). The average age of a Red Army soldier was 25–27 years, the majority were married and came from a worker-peasant background. The national composition was notably diverse: internationalists played a significant role, their motivation ranging from ideological to material. An analysis of party affiliation revealed political heterogeneity: Bolsheviks constituted a minority, while non-party individuals, anarchists, and Socialist Revolutionaries held command positions. The author concludes that a pragmatic approach dominated over an ideological one in the personnel policy of the early stage of the construction of the Workers' and Peasants' Red Army: professional competence and combat experience came to the forefront, rather than party loyalty. The microhistorical analysis of the regiment confirms the thesis about the non-linear nature of the Red Army's formation process and the combination of centralised directives with local recruitment practices.

Keywords: *Russian Civil War; microhistory, construction of the Workers' and Peasants' Red Army, the Red Army during autumn of 1918, the 2nd mountain regiment, internationalists, staffing of the combat unit, socio-demographic portrait of a Red Army soldier*

For citation: Sil'chenko I.S. Personnel Composition of the 2nd Mountain Soviet Rifle Regiment (Autumn 1918): An Experience of Microhistorical Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 5, pp. 51–61. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V537>

Любое военное столкновение может быть рассмотрено на макроуровне (действия армий и государств), мезоуровне (институты, структуры) и микроуровне, где раскрывается антропологическая составляющая: мотивы, поведение, повседневность участников. Для гражданских войн, в ходе которых раскол проходит сквозь общество и семью, именно микроуровень становится ключевым.

В современной историографии антропологическое измерение Гражданской войны в России активно разрабатывается. Значительный вклад вносят исследовательские коллективы и отдельные ученые из Москвы [1; 2], Санкт-Петербурга [3], Омска [4; 5] и других центров. В этих работах осуществляются скрупулезный анализ и публикация корпусов личных документов (писем, дневников), реконструируются поведенческие паттерны, создаются как обобщенные социально-демографические портреты, так и детальные индивидуальные биографии. В русле данного направления работают и уральские историки, в трудах которых представлены ценные наработки по смежным темам, включающие публикацию источников личного происхождения и реконструкцию социальных портретов участников событий [6–8]. Однако, несмотря на появление указанных работ, непосредственно антропологическая составляющая Гражданской войны на Урале до сих пор освещена фрагментарно. В частности, острейший дефицит современных специальных исследований по-прежнему ощущается в отношении красноармейских формирований указанного региона, изученных далеко не полностью.

В данном контексте микроисторическое изучение кадрового состава 2-го горного советского стрелкового полка (2-й горный полк) представляется перспективным. Эта воинская часть, несмотря на отдельные упоминания в литературе, до сих пор не становилась объектом целостного академического исследова-

ния. Настоящая работа не ставит своей задачей формирование обобщенного социально-демографического профиля «среднего» красноармейца. Ее цель заключается в другом – через пристальное изучение конкретного воинского коллектива осуществить приращение мозаичного знания о человеке Гражданской войны, выявить специфику его опыта, мотивации и повседневных практик в условиях конкретных региона и периода.

Источниковую базу исследования составили документы из фондов федеральных и региональных архивов. Для анализа персонального состава были привлечены кадровые документы полка, хранящиеся в фонде 3575 Российского государственного военного архива (РГВА). Реконструкция общего хода истории части осуществлена на основе материалов фонда 41 Государственного архива социально-политической истории Свердловской области (ГАСПИСО).

Методологическая основа исследования – микроисторический подход с использованием просопографического, количественного и качественного анализа документов.

2-й горный полк начал формироваться в районе Каслинского завода в конце июля 1918 года. Ядром части являлись рабочие отряды, сформированные в поселках Каслинского, Сысертского, Северского и Кыштымского заводов¹. В летне-осенний период 1918 года 2-й горный полк принял участие в боевых действиях в районе Каслинского завода, станции Хромпик, пос. Верх-Нейвинска, а также на Нижнетагильском и Кушвинском направлениях². Зимой–весной 1919 года часть совершила отступление в сторону г. Ижевска, ведя оборонительные бои за ряд населенных пунктов. 18 мая 1919 года 2-й горный советский полк был переименован в 267-й стрелковый полк³.

Представляется целесообразным обратиться к анализу кадровой документации полка

¹ГАСПИСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 197. Л. 56об.

²Там же. Л. 56об, 57.

³Там же. Л. 56об, 58.

периода осени 1918 года. Этот этап характеризуется экстремальными условиями, продиктованными не только спецификой ведения Гражданской войны, но и процессом параллельного становления военных и административно-учетных институтов Красной армии.

Осенью 1918 года полк имел в своем составе три батальона, специальные подразделения (пулеметная команда, конная разведка, команда связи) и разветвленный административно-хозяйственный аппарат.

Личный состав был распределен по подразделениям крайне неравномерно. При этом какая-либо закономерность, связывающая количественный состав роты с ее порядковым номером, в доступных источниках не прослеживается. Согласно сохранившимся документам, на конец осени 1918 года личный состав полка распределялся по подразделениям следующим образом: 1-я рота – 106 чел.⁴; 2-я рота – 168 чел.⁵; 3-я рота – 92 чел.⁶; 5-я рота – 63 чел.⁷; 7-я рота – 92 чел.⁸; 8-я рота – 116 чел.⁹; 9-я рота – 118 чел.¹⁰; пулеметная команда – 97 чел.¹¹; команда конной разведки № 1 – 43 чел.¹²; команда конной разведки № 2 – 34 чел.¹³; команда связи – 24 чел.¹⁴; нестроевая рота – 40 чел.¹⁵. Медицинская служба (околодок) включала

9 чел.: два фельдшера, три сестры милосердия, три санитар и одного обозного¹⁶. Численность второго батальона (4-я, 5-я и 6-я роты) составляла 187 чел.¹⁷ Приведенные данные наглядно демонстрируют как значительный разброс численности, так и фрагментарность источников: сведения о 4-й и 6-й ротах, саперной и караульной командах, а также о большинстве административно-политических структур отсутствуют. Однако известна общая численность 2-го батальона (187 чел.). Вычтя из нее численность 5-й роты (63 чел.), можно косвенно оценить состав 4-й и 6-й рот в 124 чел.

Указанная количественная диспропорция, вероятно, объяснялась комплексом факторов: различной интенсивностью боевых потерь, неравномерностью пополнения из мобилизационных ресурсов, а также спецификой текущих задач, стоявших перед тем или иным подразделением. Состав полка не являлся статичным – изменения происходили как в рамках существующих подразделений (вследствие естественного движения личного состава, мобилизаций и санитарных потерь), так и на уровне организационной структуры части. Так, осенью 1918 года в состав полка были включены Псковская рота (97 чел.)¹⁸ и Шуралинский от-

⁴РГВА. Ф. 3575. Оп. 1. Д. 66. Л. 59–60.

⁵Там же. Л. 13–16.

⁶Там же. Л. 68, 68об.

⁷Там же. Л. 197, 197об.

⁸Там же. Л. 171–174.

⁹Там же. Л. 162–165.

¹⁰Там же. Л. 148–153.

¹¹Там же. Л. 64, 64об.

¹²Там же. Л. 51–52.

¹³Там же. Л. 53, 53об.

¹⁴Там же. Л. 58.

¹⁵Там же. Л. 65, 65об.

¹⁶Там же. Л. 53–57об.

¹⁷Там же. Л. 60.

¹⁸Там же. Л. 33–34об.

ряд (19 чел.)¹⁹, что свидетельствует о продолжении процесса пополнения и реорганизации войск в условиях Гражданской войны.

Сохранившиеся документы фиксируют персональные данные личного состава лишь эпизодически, а количественные оценки носят приблизительный характер в силу фрагментарности списков в условиях военного времени. Это не позволяет реконструировать кадровую повседневность полка без лакун, однако доступные материалы дают репрезентативное представление об общих тенденциях комплектования и социальном профиле части.

Применение метода экстраполяции позволяет с известной долей приближения определить ориентировочную общую численность полка. Суммирование имеющихся прямых данных о ротах (1, 2, 3, 5, 7, 8, 9-й), специальных подразделениях и службах, а также о Псковской роте и Шуралинском отряде дает 1118 чел. С учетом косвенных данных о втором батальоне (4-я и 6-я роты, 124 чел.) совокупная численность подразделений, по которым сохранились сведения, достигает 1242 чел. При этом неучтенными остаются караульная команда, а также политический и административно-хозяйственный аппарат, которые в среднем добавляли к общей численности еще порядка 100–120 чел. Таким образом, ориентировочная общая численность личного состава 2-го горного стрелкового полка на конец осени 1918 года может быть определена в диапазоне 1340–1360 чел. Полученная оценка носит приблизительный характер, однако наличие данных по большинству подразделений позволяет считать ее достаточно репрезентативной.

Характеристика численного и социального состава подразделений полка может быть про-

иллюстрирована на примере 2-й роты. Так, на 16 сентября 1918 года при списочном составе в 168 чел. фактически в строю находился 141 красноармеец²⁰. Помимо строевых бойцов в роте числился вспомогательный персонал: два кашевара, артельщик и две сестры милосердия – Елена Кузнецова и Александра Таланова²¹. Подобное несоответствие между списочной и наличной численностью было, по-видимому, обычным явлением, что отражает как объективные трудности учета, так и высокую текучесть личного состава в боевых условиях.

Примечательно и отсутствие части красноармейцев в строю по причине прохождения медицинской комиссии²², что свидетельствует о вполне сформировавшихся практиках приема добровольцев и мобилизованных на военную службу.

Наиболее полные сведения о социально-демографических характеристиках рядового состава сохранились по 2-му батальону, форма списков которого позволяет провести детальный анализ. Соответственно, именно эти данные являлись основой для реконструкции социального облика красноармейцев. Кроме того, по мере сохранности источников к анализу привлекались и персональные данные военнослужащих других подразделений, что позволило дополнить и верифицировать полученные выводы.

Средний возраст бойца батальона составлял 24,5 года. Анализ возрастных показателей команды конной разведки № 1 демонстрирует близкие значения: средний возраст военнослужащего в данном подразделении – 27 лет²³. В иных сохранившихся документах сведения о возрасте красноармейцев отсутствуют, что не позволяет провести сплошное обследование по

¹⁹РГВА. Ф. 3575. Оп. 1. Д. 66. Л. 38.

²⁰Там же. Л. 13–16.

²¹Там же. Л. 16.

²²Там же. Л. 27–28.

²³Там же. Л. 51, 51об., 52.

всему полку. Однако на основе анализа двух подразделений, различных по своему функциональному назначению (стрелковый батальон и специализированное подразделение), можно с известной долей осторожности предположить, что средний возраст военнослужащего 2-го горного полка находился в диапазоне 25–27 лет. Данный возрастной промежуток являлся оптимальным для несения строевой службы в условиях Гражданской войны: он позволял красноармейцам выдерживать высокие физические нагрузки, совершать длительные переходы и эффективно участвовать в боевых действиях.

Что касается семейного положения, то из 187 красноармейцев 2-го батальона 124 состояли в браке, а 63 были холосты, что составляет примерно 66 к 34 %. Данные показатели по команде конной разведки № 1 – 93 % женатых к 7 % холостых соответственно²⁴.

Преобладание женатых красноармейцев (от 66 % в стрелковом батальоне до 93 % в конной разведке) позволяет предположить, что основу полка составляли сформировавшиеся люди, имевшие устойчивые социальные связи. Учитывая, что подавляющее большинство военнослужащих происходило из рабочих и крестьян, а средний возраст бойцов находился в пределах 25–27 лет, следует принять во внимание социальные нормы начала XX века, согласно которым к этому возрасту мужчины из данных сословий, как правило, уже обзаводились семьей. Наличие семьи играло двойственную роль: с одной стороны, оно «привязывало» красноармейца к дому, повышая его потенциальную склонность к дезертирству, с другой – требовало изыскивать средства для обеспечения близких, и красноармейский паек в условиях военного времени мог выступать существенным подспорьем. Большая доля женатых среди

конных разведчиков может объясняться как их несколько более старшим средним возрастом, так и спецификой комплектования подразделения, куда отбирались наиболее надежные и опытные бойцы. Указанные данные, по нашему мнению, могут быть репрезентативны для всей части, поскольку подобные возрастные и семейные характеристики являлись типичными для призывных контингентов и добровольцев периода Гражданской войны.

Выявленный усредненный социальный портрет (выходец из рабочих и/или крестьян, средний возраст – 25–27 лет, женат, имеет семью) ставит вопрос о том, каким образом эти люди оказывались в рядах Красной армии: по мобилизации или добровольно. Ответ на данный вопрос позволяет не только уточнить обстоятельства комплектования части, но и лучше понять мотивацию различных групп красноармейцев.

Из 187 военнослужащих 2-го батальона 104 были мобилизованы, тогда как 83 вступили в ряды Красной армии добровольно²⁵. Таким образом, соотношение мобилизованных и добровольцев в батальоне составляло примерно 56 к 44 %. Однако анализ соотношения мобилизованных и добровольцев в отдельных ротах дает основания предполагать, что эти цифры не являются показательными для всего полка. Так, в 7-й роте соотношение мобилизованных и добровольцев составляло 93,5 к 6,5 %²⁶, в 8-й роте – 51 к 49 %²⁷, тогда как в 9-й роте – 79 к 21 %. Еще более любопытными являются данные по специализированным подразделениям: команда конной разведки на 97,5 % состояла из добровольцев, в пулеметной команде доля добровольцев достигала 90 %²⁸.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о гибкой системе комплектования подразделений. Обычные стрелковые роты уком-

²⁴РГВА. Ф. 3575. Оп. 1. Д. 66. Л. 51., 52.

²⁵Там же. Л. 55–60.

²⁶Там же. Л. 171–174.

²⁷Там же. Л. 162–165.

²⁸Там же. Л. 160–164.

плектовывались преимущественно за счет мобилизации, тогда как специальные подразделения, требовавшие определенных навыков и большей мотивации (пулеметные команды, конная разведка), – главным образом за счет добровольцев. Система комплектования полка носила смешанный характер. Она сочетала мобилизационные мероприятия с привлечением добровольцев, причем последние концентрировались в наиболее боеспособных и технически сложных подразделениях.

Примечательной особенностью организационной структуры полка в сентябре 1918 года являлось наличие двух отдельных команд конной разведки. Первая, насчитывавшая 43 чел., состояла преимущественно из уроженцев бывшей Российской империи (39 чел.) и лишь четырех иностранцев (вероятно, бывших военнопленных)²⁹. Стоит отметить, что по меркам Гражданской войны это подразделение имело достаточно хорошее материальное обеспечение: 46 винтовок с 1000 патронов, 4 ручных бомбы и 10 шашек; весь личный состав был снабжен униформой, шинелями и обеспечен 44 строевыми лошадьми³⁰. Вторая команда конной разведки (34 чел.), напротив, полностью состояла из интернационалистов, большинство из которых являлось венграми³¹. Пост ее начальника занимал венгр Януш Герчев. Все венгры были бывшими военнопленными. Сохранившиеся документы позволяют реконструировать отдельные биографические детали представителей венгерской группы. Так, начальник команды Януш Герчев родился в 1889 году в венгерском регионе Зала, по гражданской специальности был кузнецом. В начале Первой мировой войны он

окончил унтер-офицерскую школу и получил звание старшего унтер-офицера, однако уже 8 ноября 1914 года попал в плен и был направлен в пос. Верх-Нейвинск. Его помощник Сауверг Лаюш (1891 года рождения), также происходивший из Венгрии, оказался в плену в сентябре 1915 года и был размещен в г. Верхнем Тагиле³².

Интернационалисты включались в состав и других подразделений полка. Так, помощник командира 3-й роты и командир 2-го взвода 3-й роты являлись венграми-интернационалистами, командиром 8-й роты также был иностранный подданный – Франц Пукнис³³; в 8-й роте числились 7 красноармейцев-латышей³⁴. В данном контексте особый интерес вызывает значительное количество красноармейцев-финнов в 5-й роте: все командование, за исключением командира роты, представлено добровольцами-финнами³⁵. Разнообразным в этническом отношении являлся и состав пулеметной команды. Наряду с уроженцами Пермской губернии здесь были и выходцы из западных губерний (Виленской, Витебской). Кроме того, в команде числились трое бывших военнопленных (1 немец и 2 венгра), а также 28 финнов³⁶.

Как уже отмечалось выше, представители Венгрии и Германии являлись военнопленными Первой мировой войны и зачастую направлялись на Урал в качестве заводских рабочих (см., например, [9]). Определение реальных мотивов их вступления в Красную армию представляет известную сложность. Без сомнения, некоторые бывшие военнопленные являлись убежденными социалистами и сражались за «дело мировой революции». Вместе с тем для

²⁹РГВА. Ф. 3575. Оп. 1. Д. 66. Л. 51–52.

³⁰Там же. Л. 35.

³¹Там же. Л. 53, 53об.

³²Там же. Л. 215.

³³Там же. Л. 35.

³⁴Там же. Л. 87.

³⁵Там же. Л. 116.

³⁶Там же. Л. 64, 64об.

других мотивация, вероятно, носила иной характер: вступление в ряды Красной армии могло быть продиктовано стремлением получить продовольственный паек и улучшить свое материальное положение, которое у иностранцев, оказавшихся в огромной стране в период русской смуты, было крайне тяжелым.

Несколько иным представляется положение финнов и латышей. Они, скорее всего, оказались на Урале в качестве вольнонаемных рабочих. Изменения, произошедшие после октября 1917 года (распад империи, изменение государственной принадлежности территорий), также поставили их в затруднительное материальное и правовое положение, что могло стать дополнительным стимулом для вступления в ряды Красной армии.

Помимо пестрого национального состава полк закономерно отличался и не менее разнообразными политическими симпатиями. В условиях, когда в одном подразделении могли служить бывшие военнопленные-венгры, финские добровольцы и уральские рабочие, вопрос о партийной принадлежности и политической лояльности приобретал особую значимость. Рассмотрение политического состава в масштабе всего полка позволяет выявить неоднородную картину партийной принадлежности красноармейцев и командиров.

Командир полка в 1918 году не являлся членом партии и в документах значился как «сочувствующий большевикам»; помощник командира полка также относился к категории сочувствующих. При этом командир 1-го батальона состоял в партии анархистов³⁷.

Анализ партийного состава по отдельным подразделениям демонстрирует отсутствие

унифицированного политического облика части. Во 2-й роте числились два члена Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)) и два члена иностранных партий социалистического толка³⁸. Командование 3-й роты также включало двух большевиков и двух представителей интернациональной партии³⁹. В 4-й роте состояли три большевика и один анархист⁴⁰, тогда как личный состав 5-й и 6-й рот являлся полностью беспартийным. На этом фоне выделялась 8-я рота, в которой насчитывалось четыре члена РКП(б)⁴¹.

Наиболее детальные сведения сохранились о политической принадлежности военнослужащих 7-й роты. В ее составе не значилось ни одного члена большевистской партии и лишь двое называли себя сочувствующими. При этом командир роты примыкал к партии анархистов, командир одного из отделений также являлся анархистом, а каптенармус Петр Фомичев состоял в партии эсеров⁴². В команде конной разведки также имелись члены партии: двое военнослужащих состояли в РКП(б), еще один значился сочувствующим. Особого внимания заслуживает фигура взводного командира команды конной разведки Александра Яковлевича Прокопьева, являвшегося членом партии большевиков с 1905 года⁴³.

Приведенные данные о партийной принадлежности командного и рядового состава различных подразделений полка ставят вопрос о реальной степени политического контроля в частях Красной армии осенью 1918 года. Выявленная пестрая картина политических симпатий позволяет предположить, что на данном этапе идеологическая унификация еще не стала определяющим принципом кадровой полити-

³⁷РГВА. Ф. 3575. Оп. 1. Д. 66. Л. 182об.

³⁸Там же. Л. 35.

³⁹Там же. Л. 44.

⁴⁰Там же. Л. 49.

⁴¹Там же. Л. 47.

⁴²Там же. Л. 45.

⁴³Там же. Л. 47.

ки. Командиры батальонов и рот могли открыто примыкать к партии анархистов, а ключевые хозяйственные должности занимали эсеры, при этом в целом по полку большевики составляли незначительное меньшинство, а ряд подразделений был полностью беспартийным.

По-видимому, на низовом и среднем уровне военного управления лояльность измерялась прежде всего готовностью решать боевые задачи, а не партийной принадлежностью. В условиях острой нехватки квалифицированных командных кадров, особенно имевших боевой опыт, на их политические взгляды могли закрывать глаза до тех пор, пока это не вступало в прямое противоречие с выполнением военных приказов.

Данные выводы соответствуют официальной доктрине привлечения в Красную армию кадров, выделявшихся «своими способностями и здравым смыслом»⁴⁴, вне зависимости от их партийной принадлежности. Современные исследователи Гражданской войны в России [10; 11] также отмечают, что военный опыт и профессиональная подготовка являлись для красноармейского руководства главными критериями, при этом партийная принадлежность отходила на второй план. Указанные особенности позволяют утверждать, что ситуация с партийной принадлежностью военнослужащих 2-го горного полка была типичной и репрезентативной для Красной армии конца 1918 года в целом.

Для понимания кадровой специфики полка крайне важен анализ его командного состава. С момента формирования 2-го горного советского полка должность командира занимал Александр Семенович Григорьев. Он родился 16 сентября

1895 года в Северском заводе Пермской губернии, окончил городское училище, работал механиком (слесарем) на Северском заводе. Участник Первой мировой войны, имел чин прапорщика, демобилизован в марте 1918 года⁴⁵. Являлся председателем союза металлистов Северского завода. С лета 1918 года – командир 2-го горного советского стрелкового полка. Был ранен в бою за г. Нижний Тагил, в 1918 году награжден пашкой кавказского типа в серебряной оправе. С большой долей вероятности данная пашка в настоящее время хранится в фондах Свердловского областного краеведческого музея, однако для точной атрибуции экспоната требуются дополнительные изыскания. А.С. Григорьев скончался 21 октября 1920 года от болезни⁴⁶.

В целом бывшими офицерами являлись 8 представителей командного состава, включая командира полка. Старшими по званию среди них были помощник командира полка – бывший штабс-капитан Дмитрий Рукавишников, адъютант полка – бывший штабс-капитан Николай Никифорович Кичигин и комиссар полка – также в прошлом штабс-капитан Александр Прокопьев⁴⁷. Остальные имели звания прапорщика или подпоручика. Командир 2-го батальона Иван Александрович Луканин (1897 года рождения), уроженец Сигнахского уезда Тифлисской губернии, окончил Горийскую школу прапорщиков⁴⁸ и, вероятно, не попав на фронт, остался на преподавательской работе в должности курсового офицера учебной команды. В конце Первой мировой войны оказался в Нижнем Тагиле, где и был мобилизован в Красную армию⁴⁹. Командир 2-й роты Михаил Константинович Запольский (1893 года рождения), уро-

⁴⁴Троцкий Л.Д. Военные специалисты и Красная армия. URL: <http://www.souz.info/library/trotsky/trotl687.htm> (дата обращения 18.03.2026).

⁴⁵РГВА. Ф. 3575. Оп. 1. Д. 66. Л. 182 об.

⁴⁶Их именами названы улицы Полевского: рекомендательный библиографический указатель / под ред. Р.С. Дияровой. Полевской, 2008. С. 7.

⁴⁷РГВА. Ф. 3575. Оп. 1. Д. 66. Л. 182 об.

⁴⁸Там же.

⁴⁹Там же. Л. 103.

женец с. Юговского Пермской губернии, также являлся бывшим прапорщиком. В 1914 году он был мобилизован и направлен в состав 272-го пехотного Гдовского полка⁵⁰. После развала армии проживал в Перми по адресу: ул. Покровская, д. 4. Мобилизован в Красную армию осенью 1918 года⁵¹.

Среди командного состава полка преобладали лица с образованием в объеме двухклассных, высших начальных, реальных и сельских училищ. Военное образование ограничивалось школами прапорщиков и учебными командами. В мирной жизни указанные лица занимали должности конторщиков, электромонтеров, слесарей и библиотекарей, однако наиболее массовой была профессия чернорабочего.

Микроисторический анализ 2-го горного полка позволяет выделить ключевые характеристики его кадрового состава. Средний возраст красноармейца составлял 25–27 лет, преобладали женатые выходцы из рабоче-крестьянской среды Урала. Система комплектования носила дифференцированный характер: стрелковые роты формировались преимущественно через мобилизацию, тогда как специализированные подразделения – за счет добровольцев. Наци-

ональный состав отличался заметным присутствием интернационалистов (венгры, финны, латыши, немцы), чья мотивация варьировалась от идеологической до материальной.

Политический состав полка был гетерогенен: большевики составляли меньшинство, командные должности занимали беспартийные, анархисты и эсеры. Командный состав среднего звена в основном имел опыт службы в старой армии (прапорщики, унтер-офицеры) и происходил из рабочих и служащих.

В концептуальном плане исследование подтверждает, что на раннем этапе строительства Рабоче-крестьянской Красной армии доминировал прагматический подход: профессиональная компетентность и боевой опыт ценились выше партийной лояльности. Политический контроль еще не приобрел тотального характера, что позволяло привлекать к службе разнородные в политическом и национальном отношении силы. Становление Красной армии в 1918 году представляло собой нелинейный процесс, в котором централизованные директивы сочетались с локальными практиками комплектования, а идеологическая унификация уступала место ситуативному прагматизму военного времени.

Список литературы

1. Ганин А.В. «Я предлагаю свои услуги ВЧК...» Бывший генерал А.М. Зайончковский и органы ЧК в 1919–1921 гг. // Ист. вестн. 2025. Т. 52, № 2. С. 10–79. <https://doi.org/10.35549/hr.2025.2025.52.009>
2. Позднякова А.С. Расстрелы Уральской облЧК в 1918 г. в Вятке как месть за казнь экспроприатора А.М. Лбова // История органов государственной безопасности России. Исторические чтения «Гороховая, 2» – 2024: материалы Двадцать первых ежегодных Всерос. ист. чтений, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2023 года. СПб, 2024. С. 100–103.
3. Пученков А.С. Красный командарм Иван Сорокин глазами современников // Ист. вестн. 2024. Т. 47, № 1. С. 220–235. <https://doi.org/10.35549/hr.2024.2024.47.007>
4. Петин Д.И. Коллективный портрет бывших белогвардейцев, репрессированных в Омске по делу «организации Артамонова» в 1937 г. // Омск. науч. вестн. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 54–64. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-1-54-64>
5. Сушко А.В., Петин Д.И. Бывшие офицеры, социализировавшиеся в духовенство в советском обществе 1920-х гг. (на примере УССР) // Русин. 2025. № 81. С. 187–201.

⁵⁰Рос. гос. воен.-истор. арх. (РГВИА). Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ш. – без номера. Я. – 1180-3. Л. 199.

⁵¹РГВА. Ф. 3575. Оп. 1. Д. 66. Л. 107.

6. Вебер М.И. В поисках Академии Генерального штаба: отчет поручика А.А. Роджера о разведывательной миссии в тылу у красных в августе 1918 г. // Ист.-геогр. журн. 2024. Т. 3, № 3. С. 82–105. <https://doi.org/10.58529/2782-6511-2024-3-3-82-105>
7. Вебер М.И. Начальник контрразведки Западной армии Колчака Н.Ф. Новицкий: штрихи к биографии // Коммуникативная культура: история и современность: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. в рамках III Междунар. науч. форума «Наследие» [в 2 ч.], Новосибирск, 29 октября 2021 года. Новосибирск, 2021. Ч. 2. С. 70–81.
8. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. 615 с.
9. Запарий В.В. Металлургия Урала в эпоху потрясений: Первая мировая и Гражданская войны // Ист.-экон. исследования. 2015. Т. 16, № 1. С. 67–108.
10. Ганин А.В. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. 768 с. <https://doi.org/10.31168/907171-53-4>
11. Наумов Е.О. «Нужны талантливые командиры». Кадровая политика руководства 1-й армии Восточного фронта при назначении начальников дивизий во второй половине 1918 года // Воен.-ист. журн. 2022. № 4. С. 24–37.

References

1. Ganin A.V. "I Offer My Services to the Cheka..." Former General A.M. Zayonchkovskiy and the Cheka in 1919–1921. *Istoricheskiy vestnik*, 2025, vol. 52, no. 2, pp. 10–79 (in Russ.). <https://doi.org/10.35549/hr.2025.2025.52.009>
2. Pozdnyakova A.S. Executions by the Ural Regional Cheka in 1918 in Vyatka as Revenge for the Execution of Expropriator A.M. Lbov. *History of Russian State Security Agencies. Historical Readings "Gorokhovaya, 2" – 2024: Proceedings of the 21st Annual All-Russian Historical Readings*. St. Petersburg, 2024, pp. 100–103 (in Russ.).
3. Puchenkova A.S. Red Army Commander-in-Chief Ivan Sorokin Through the Eyes of Contemporaries. *Istoricheskiy vestnik*, 2024, vol. 47, no. 1, pp. 220–235 (in Russ.). <https://doi.org/10.35549/hr.2024.2024.47.007>
4. Petin D.I. A Collective Portrait of Former White Guards Repressed in Omsk in the Case of the "Artamonov Organisation" in 1937. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya "Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'"*, 2024, vol. 9, no. 1, pp. 54–64 (in Russ.). <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-1-54-64>
5. Sushko A.V., Petin D.I. Former Officers Socialised into the Clergy in Soviet Society in the 1920s (on the Example of the Ukrainian SSR). *Rusin*, 2025, no. 81, pp. 187–201 (in Russ.).
6. Veber M.I. In Search of the General Staff Academy: Lieutenant A.A. Rodger's Report on a Reconnaissance Mission in the Rear of the Reds in August, 1918. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal*, 2024, vol. 3, no. 3, pp. 82–105 (in Russ.). <https://doi.org/10.58529/2782-6511-2024-3-3-82-105>
7. Veber M.I. Head of Counterintelligence of Kolchak's Western Army N.F. Novitskiy: Strokes to the Biography. *Communicative Culture: History and Modern Times: Proceedings of the 11th International Scientific Practical Conference in the Framework of the 3d International Forum "Nasledie"*. In 2 parts. Novosibirsk, 2021. Part 2, pp. 70–81 (in Russ.).
8. NarSKIY I.V. *Life in Catastrophe: Everyday Life of the Ural Population in 1917–1922*. Moscow, 2001. 615 p. (in Russ.).
9. Zapariy V.V. Metallurgy of the Urals in an Era of Upheaval: The First World War and the Civil War. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2015, vol. 16, no. 1, pp. 67–108 (in Russ.).
10. Ganin A.V. *Military Specialists. Essays on Former Officers Who Stood at the Origins of the Red Army*. Moscow, 2022. 768 p. (in Russ.). <https://doi.org/10.31168/907171-53-4>
11. Naumov E.O. "We Need Talented Commanders". Personnel Policy of the Leadership of the 1st Army of the Eastern Front in the Appointment of Division Chiefs in the Second Half of 1918. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, 2022, no. 4, pp. 24–37 (in Russ.).

Информация об авторе

И.С. Сильченко – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Технического университета УГМК.

Information about the author

Ivan S. Sil'chenko, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Head of the Department of Humanities and Natural Sciences, UMMC Technical University.

Поступила в редакцию 20.03.2026
Одобрена после рецензирования 26.06.2026
Принята к публикации 29.06.2026

Submitted 20 March 2026
Approved after reviewing 26 June 2026
Accepted for publication 29 June 2026